

Категория подлинности в праве. Опыт определения

О.А. Крестовников

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Российская Федерация

Аннотация. В правоприменении и научных исследованиях категория подлинности используется как при теоретических осмыслениях, так и в практической деятельности. Однако отсутствие универсального определения этого понятия затрудняет его использование в доказывании, при формировании научных фондов и баз данных. В статье сделана первая попытка определить подлинность в контексте правоприменительной практики. Рассмотрены наиболее значимые инструменты анализа и оценки подлинности – система нотариального удостоверения и идентификационные исследования.

Ключевые слова: категория, подлинный, право, система нотариального удостоверения, идентификационные исследования

Для цитирования: Крестовников О.А. Категория подлинности в праве. Опыт определения // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 4. С. 12–17.

The Legal Category of Authenticity. An Attempt at Definition

Oleg A. Krestovnikov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russian Federation

Abstract. In law enforcement and in scientific research the category of authenticity is used both for theoretical conceptualization and in practical contexts. However, the lack of a universally accepted definition undermines the utility of this concept in the production of evidence, as well as development of scientific resources and databases. The paper offers an initial attempt to define authenticity in the context of law enforcement and examines the most significant tools of authenticity analysis and verification: the civil law notary authentication and forensic identification.

Keywords: category, authenticity, law, law enforcement, civil law notary system, forensic identification

For citation: Krestovnikov O.A. The Legal Category of Authenticity. An Attempt at Definition. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 4. P. 12–17.

Подлинность – заложенное, но не всегда востребованное свойство. Мы обращаемся к подлинности только в ситуациях, когда она становится искомым и/или подтверждаемым фактом. Подлинность как свойство (атрибут) объекта (вещи, явления, события, процесса, состояния) имеет свою размерность, т. е. определенное количество независимых критериев, необходимых для установления ее наличия (время, место, субъект, материал, технология).

Попытки определения понятия подлинности, предпринятые в лингвистике, в логике и философии, других науках, вряд ли можно признать вполне успешными. Методологические трудности таких определений связаны с тем, что они действительны лишь в конкретной области знания или практической деятельности, а общее понятие не может использоваться ни как научный термин, ни тем более как инструмент решения специальных проблем и задач. Этим, види-

мо, и объясняется отсутствие дефиниции подлинности в юриспруденции. Более того, при попытке сформулировать такое определение мы сталкиваемся с такими дополнительными факторами как:

- синонимичность термина и его этимологическая неопределенность (об этом подробнее [1]);

- непосредственная связь семантики слова с контекстом его использования и многообразием ситуаций словоупотребления и атрибуцией объектов, которым присваивается это свойство. Так, говоря о «подлинных ценностях», мы очень часто подразумеваем под ними «вечные ценности»; «подлинник картины» мы противопоставляем легальной копии и криминальной подделке, «подлинная любовь» для нас – это глубокие, интенсивные и сфокусированные чувства [2, с. 70], «читать в подлиннике» фактически означает читать на языке оригинала и т. п.;

- функциональность данного определения, т. е. его инструментальная роль в процессе правоприменения.

При этом следует учитывать, что осмысление подлинности с использованием только синтаксических и/или семантических критериев будет недостаточным. На наш взгляд, необходимо более широко подойти к проблеме и принять во внимание тот непреложный факт, что механизмы познания сущности и социокультурного статуса подлинности как категории должны рассматриваться в процессе предметной деятельности, т. е. она имеет деятельностьную основу и нормативно-ценностную природу. «Так же как свойство часов показывать время заключается не в циферблате, не в стрелках и не в колесиках, а в конкретном функционировании всего механизма» [3, с. 51], так и значение, и смысл подлинности реализуются и существуют исключительно в процессе практической деятельности. Поэтому элементом культуры подлинность как категория становится в результате ее постижения в человеческой деятельности и в процессе этой деятельности она обретает свою социокультурную ценность. Точно также как простое отражение (например, дорожка следов на месте преступления как результат любого материального взаимодействия) становится осмысленной информацией только в целесообразных процессах (например, для наблюдательного любителя детективов или эксперта (специалиста), способных вы-

явить признаки обуви преступника и/или определить тип его походки).

Все эти факторы должны приниматься во внимание при определении понятия подлинности.

Не претендуя на завершенность и бесспорность, предпримем первую попытку такого формулирования.

Подлинным является первоисточник, содержащий сведения о юридически значимом факте, которые могут быть выявлены, зафиксированы и признаны достоверными субъектами правоприменения.

Атрибуция объекта, которому присваивается свойство подлинности, – первое существенное ограничение, накладываемое данным определением. Свойство подлинности может приписываться не любому объекту, явлению или процессу, а лишь тем, которые в структуре правоприменительной деятельности рассматриваются как источники информации о юридически значимых фактах. Тем самым определяется и функциональность данного объекта и отражающего его понятия, т. е. использование источника для установления юридически значимых (релевантных) фактов.

Понятие источника является категорией доказательственного права, получившей детальную разработку на основе принципов теории передачи информации, что позволило сформулировать задачу анализа технологии доказательственных процедур [4, 5]¹. Понятие первоисточника также достаточно подробно рассмотрено в юридической литературе, например в работе В.Я. Колдина [9].

Отдельного комментария требует гносеологическая характеристика сведений, содержащихся в первоисточнике, как *признаваемых достоверными*. Закономерен вопрос: являются ли эти сведения истинными, соответствующими действительности, установленными, доказанными фактами? Ответ: нет не являются. В чем же тогда смысл признания этих сведений достоверными? Его можно найти в практике делового оборота и практике правоприменения в целом. Существует множество ситуаций,

¹ Существенная новизна данных работ состоит в том, что в синтетическом понятии «доказательство» выделены понятия «носитель», «источник», «информационное поле», которые рассматривают инструменты доказывания, имеющие различную функцию и технологию использования в доказывании. Разграничение указанных понятий приобретает особую актуальность в связи с появлением в структуре доказывания новых источников информации, требующих для их использования в процессе применения новых технологий [6–8].

когда признание сведений истинными, пока в этом нет сомнений, на деле более целесообразно, чем проверять их фактическую истинность. К примеру, не вызывает недоверия достоверность знаков дорожного движения, пока они не опрокинуты или не перевернуты, надписей «вход» и «выход» и т. п. Не вызывают сомнений достоверность сигналов точного времени, официальных оповещений, денежных знаков, марок и т. п. информация. И это продолжается до тех пор, пока не появятся данные или не возникнет ситуация, опровергающие или противоречащие этим сведениям.

Допущение подлинности в практике делового оборота и повседневной жизни можно обозначить термином «презумпция истинности» по аналогии со многими другими принятыми в правоприменении презумпциями².

В юриспруденции, а также во всех ситуациях правоприменения, связанных с доказыванием в условиях состязательности, термин подлинности имеет удостоверительную функцию. В этом качестве он используется как инструмент валидации, аутентификации и верификации знаний, используемых для обоснования и принятия правовых решений [13].

Особый интерес представляют современные технологии исследования и оценки подлинности. Следует отметить, что понятие подлинности нередко не без оснований рассматривается как синоним истинности, и для анализа и оценки подлинности используются те же инструменты, что и для обнаружения истины. Вместе с тем функция удостоверения представляет собой конечную задачу познания – итоговую оценку полученного знания.

Рассмотрим некоторые из этих инструментов.

Наиболее показательной и интересной в контексте рассматриваемой проблемы является *система нотариального удостоверения*.

Упрощенный порядок исследовательских процедур правоприменения в гражданском процессе потребовал создания

специальной государственной системы, обеспечивающей подлинность используемой в нем информации. Поскольку основные факты, подлежащие доказыванию в гражданском процессе (рождение, смерть, смена собственника и т. п.), по закону оформляются документально, нотариальное удостоверение их подлинности делает излишним дорогостоящее специальное исследование³. Нотариальная запись рассматривается как подлинный источник, а удостоверяемый ею факт – достоверно установленным до тех пор, пока не возникнут обоснованные сомнения в правильности самой нотариальной процедуры. В последнем случае должны быть использованы технологии проверки документов на подлинность: почерковедческая и технико-криминалистическая экспертиза реквизитов документов, экспертиза аутентичности копий документов, финансово-экономическая экспертиза и др.

В ряду специальных технологий анализа на подлинность следует рассмотреть *идентификационные исследования*, получившие за последние полвека фундаментальную теоретическую, методологическую и технологическую разработку [14–19]. В настоящее время большая часть всех исследований, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях России, посвящены разрешению вопроса о тождестве в форме распознавания, индивидуального или родо-видового и группового отождествления. Значительно расширился диапазон индивидуального отождествления материалов, веществ и изделий, а также источников происхождения.

В силу многообразия идентификационных ситуаций и материалов, предоставляемых экспертам, доказательственное значение экспертного заключения требует квалифицированной профессиональной оценки.

Категорическое положительное заключение об индивидуальном тождестве – «тот же объект» – представляет собой доказательство подлинности идентифицируемого объекта. Любой другой вывод о тождестве (установление родо-видовой и групповой принадлежности, установление источника происхождения) не обеспечивает достоверного разрешения вопроса и может использоваться как элемент частной системы доказательств тождества. В настоящее время находят применение статистические

² Следует строго разграничивать презумпции и фикции. *Презумпция* – предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное. *Фикция* – вымышленное положение, которое заведомо не соответствует действительности и тем не менее должно соблюдаться, так, как будто оно является истинным. Так, термин «подозреваемый», используемый в отношении неопределенного круга лиц для существенного ограничения их процессуальных прав, представляет фикцию [10–12].

³ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (действующая редакция) // СПС КонсультантПлюс.

методы оценки идентификационной информации (почерковедение и портретная идентификация) и автоматизированные системы распознавания и идентификации. Практические ошибки в сфере судебной идентификации являются следствием неправильной формулировки задач экспертизы, неправильного отбора и предоставления образцов, а также ошибочной оценки доказательственного значения результатов исследования.

Так, при исследовании подписи (а подпись является основным реквизитом, удостоверяющим подлинность документа) заключение эксперта должно содержать описание и оценку выявленных в процессе исследования идентификационных признаков исполнителя и признаков способа нанесения подписи. Например, исследуемая подпись от имени исполнителя документа расположена у левого края бумаги непосредственно под основным текстом документа. Под косопадющим щелевым освещением выявлены вдавленности от пишущего прибора, полностью соответствующие зоне наложения красителя в ритмической структуре подписи. Признаки имитации и технического копирования не обнаружены. Подпись выполнена красителем синего цвета, транскрипция смешанная, связанность сплошная – «буквы + безбуквенные штрихи + росчерк». Выработанность, разгон и размер подписи средние, наклон правый.

Для разрешения вопроса об исполнителе подписи должны быть предоставлены образцы подписей предполагаемых исполнителей.

Относительно подписи перед экспертом могут быть поставлены вопросы об исполнителе и способе (механизме) нанесения подписи, включая связь этого способа со способом изготовления документа (общая и частичная подделка).

Вопрос о подлинности подписи, как и любого другого реквизита документа (отиска печати, бланка, водяных знаков и др.), является ошибочным. Каждый реквизит документа может полностью соответствовать установленным требованиям, а документ в целом может оказаться подложным. Более того, перед экспертом не может быть поставлен вопрос о подлинности документа. Подлинность документа, как и любого источника доказательственной информации, помимо установления способа его изготовления, включает оценку его содержательной стороны (значения) в общей системе

расследуемого события в соотношении с выстроенной системой доказательств. Так, дата выдачи векселя, имеющего безупречные реквизиты, может не соответствовать времени изготовления бланков векселей этого типа, сумма долговой расписки, выполненной должником, – стоимости работ по трудовому договору.

Подлинность документа – это доказательственный факт, относящийся к компетенции субъекта доказывания, но не эксперта, представляющего доказательство, используемые для установления доказательственного факта. Строгое разграничение компетенции эксперта и субъекта доказывания – необходимое условие эффективного использования специальных знаний в судебном процессе.

Сказанное не означает, однако, что перед экспертом не могут ставиться вопросы о механизме расследуемого события и обстоятельствах дела, если ответы на них требуют специальных знаний, относящихся к компетенции эксперта, и ему будет предоставлена соответствующая информация. Этим условиям удовлетворяет процессуальная форма экспертизы на месте происшествия, т. е. случаи, когда в распоряжение эксперта (экспертов) предоставляется вся следовая картина события в форме обнаруженных в материальной обстановке совокупности источников информации, следов отображений расследуемого события. На практике, как правило, используется форма привлечения специалиста (комиссии специалистов) – помощников-консультантов следователя. Предпочтительная на начальных этапах расследования для общей ориентировки в системе многочисленных версий события, эта форма лишена преимуществ комплексной экспертизы механизма события, предоставляющей доказательственную информацию о конкретных обстоятельствах события: времени, месте, объектах взаимодействия, последовательности операций, данных о количестве преступников, их физических свойствах и др. Помимо оперативно-разыскного, эти данные имеют и непосредственное доказательственное значение. Практика оперативно-следственной работы знает многочисленные примеры эффективности данной формы комплексной экспертизы на месте события.

В эпоху массового промышленного производства и острой конкуренции особое значение приобретает установление подлинности продукции, выпускаемой под

определенным товарным знаком. Проблема актуальна не только в свете защиты прав производителя и потребителя продукции, но и общественной безопасности и экологии. В этом ряду и защита интеллектуальной собственности. Однозначная персонификация товарного знака, бренда напрямую связана с устойчивостью и планомерным развитием экономики в целом. Поэтому защита добросовестного предпринимателя и его продукта от фальсификата и недобросовестной конкуренции – одна из приоритетных задач правоприменительной политики и практики.

Перечислим некоторые базовые технологии такой защиты как профессиональные задачи правоприменителя. Это *кодирование информации о свойствах объекта, стандартизация производственных процессов,*

гостирование, сертификация, аккредитация, управление качеством и контроль качества, нормативно-техническая инспекция и аудит, судебная экспертиза. Как показывает исторический опыт развития экономики и статистический анализ рейтинговых корпораций, осуществляющих мониторинг базовых показателей экономик мира, применение указанных инструментов является необходимым условием современного высокотехнологического уровня производства.

Подробное рассмотрение каждой из указанных технологий выходит за рамки журнальной статьи. Однако необходимо подчеркнуть их связь с правовой категорией подлинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крестовников О.А. Категория подлинности в праве. Состояние вопроса // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 62–77.
2. Сидорова С.Н. Философия и поэзия в поисках утраченной подлинности // Философия и общество. 2010. № 4 (60). С. 68–75.
3. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
4. Колдин А.В., Крестовников О.А. Источники криминалистической информации. М.: Юрлитинформ, 2007. 192 с.
5. Вещественные доказательства: информационные технологии доказывания / Под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: Норма, 2002. 768 с.
6. Колдин В.Я. Электронная информация в праве // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2016. № 2. С. 96–110.
7. Электронные носители информации в криминалистике / Под ред. О.С. Кучина. М.: Юрлитинформ, 2017. 304 с.
8. Электронные носители информации в криминалистике: материалы круглого стола (МГУ, Москва, 13.05.2016). / Под ред. О.С. Кучина. М.: МГУ, 2016. 74 с.
9. Колдин В.Я. Криминалистический анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 528 с.
10. Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2005. 462 с.
11. Нахова Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 176 с.
12. Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004. 185 с.

REFERENCES

1. Krestovnikov O.A. The Legal Category of Authenticity. Current Perspectives. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol 12. No 3. P. 62–77. (In Russ.).
2. Sidorova S.N. Philosophy and poetry in search of the lost authenticity. *Philosophy and society*. 2010. No 4 (60). P. 68–75. (In Russ.).
3. Gusev S.S., Tul'chinskii G.L. *Understanding problem in philosophy: Philosophical gnoseological analysis*. Moscow: Politizdat, 1985. 192 p. (In Russ.).
4. Koldin A.V., Krestovnikov O.A. *Sources of criminalistic information*. Moscow: Yurlitinform, 2007. 192 p. (In Russ.).
5. Koldin V.Ya. (ed). *Material evidences: Information technologies of proof*. Moscow: Norma, 2002. 768 p. (In Russ.).
6. Koldin V.Ya. Electronic information in the jurisprudence. *Bulletin of the Moscow university. Series 11: Right = Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*. 2016. No 2. P. 96–110. (In Russ.).
7. Kuchin O.S. (ed). *Electronic media of information in criminalistics*. Moscow: Yurlitinform, 2017. 304 p. (In Russ.).
8. Kuchin O.S. (ed). *Electronic media of information in criminalistics. Materials of round table (Lomonosov Moscow State University, Moscow, 13.05.2016)*. Moscow: MGU, 2016. 74 p. (In Russ.).
9. Koldin V.Ya. *Criminalistic analysis: monograph*. Moscow: Yurlitinform, 2016. 528 p. (In Russ.).
10. Pechnikov G.A. *Dialectic problems of the truth in criminal trial. Doctoral thesis (Law)*. Volgograd, 2005. 462 p. (In Russ.).
11. Nakhova E.A. *Role of presumptions and fictions in distribution of obligations for proof. Candidate thesis (law)*. Saratov, 2004. 176 p. (In Russ.).
12. Nikitashina N.A. *The legal assumptions in the mechanism of legal regulation (legal presumptions and fictions.) Candidate thesis (law)*. Abakan, 2004. 185 p. (In Russ.).

13. Колдин А.В., Колдин В.Я., Крестовников О.А. Обоснование правового решения. Фактологический анализ: учеб. пособ. / Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. 512 с.
14. Колдин В.Я. Судебная идентификация: учеб. пособ. М.: ЛексЭст, 2002. 528 с.
15. Комаринец Б.М. Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1945. 552 с.
16. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. Труды ВНИИСЭ. Вып. 6. М.: ВНИИСЭ, 1973. 335 с.
17. Колдин В.Я., Кирсанов З.И., Орлов Ю.К. Экспертная криминалистическая идентификация. Вып. I: Теоретические основы / Под ред. В.Я. Колдина. М.: РФЦСЭ, 1996. 205 с.
18. Экспертная криминалистическая идентификация. Вып. II: Специальные методы и частные методики экспертно-криминалистической идентификации / Под ред. В.Я. Колдина. М.: РФЦСЭ, 1996. 262 с.
19. Селиванов Н.А., Эйсман А.А., Грабовский В.Д., Каминский М.К. Теория криминалистической идентификации, дифференциации и дидактические вопросы специальной подготовки сотрудников аппарата БХСС. Горький: Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1980. 100 с.
13. Koldin A.V., Koldin V.Ya., Krestovnikov O.A. *Justification of the legal decision. Factual analysis*. Moscow: MGU, 2014. 512 p. (In Russ.).
14. Koldin V.Ya. *Judicial identification*. Moscow: LeksEst, 2002. 528 p. (In Russ.).
15. Komarinets B.M. *Criminalistic identification of firearms on shot sleeves. Candidate thesis (law)*. Moscow, 1945. 552 p. (In Russ.).
16. Orlova V.F. *The theory of forensic handwriting of identification. Works of VNIISE*. Issue 6. Moscow: VNIISE, 1973. 335 p. (In Russ.).
17. Koldin V.Ya., Kirsanov Z.I., Orlov Yu.K. *Expert criminalistic identification. Issue I: Theoretical bases*. Moscow: RFCFS, 1996. 205 p. (In Russ.).
18. Koldin V.Ya. (ed) *Expert criminalistic identification. Issue II: Special methods and private techniques of expert and criminalistic identification*. Moscow: RFCFS, 1996. 262 p. (In Russ.).
19. Selivanov N.A., Eisman A.A., Grabovskii V.D., Kaminskii M.K. *Theory of criminalistic identification, differentiation and didactic questions of special training of employees of structure of BHSS*. Gorky: Gorky high school of MVD SSSR, 1980. 100 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крестовников Олег Анатольевич – к. ю. н., заведующий отделом организационно-правового и информационного обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: o.krestovnikov@sudexpert.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Krestovnikov Oleg Anatol'evich – Candidate of Law, Head of the Department of Legal and Information Support of Forensic Operations, RFCFS of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: o.krestovnikov@sudexpert.ru.